

Максим Дрёмов

избранные существа бессрочного протеста

<стихи осени — зимы 2021 г.>

незрячий

оно наклоняется над слепым, щекочет и поёт,
небо, капюшон худака натянувшее до носа, а он
отмахивается — и из воздуха, продырявленного
тростью-паничкой, лужи дождливого вина натекают.

проспект враспах, укладываются на землю линия-
тые триколоры позора, вы...нной чужой земли
и казацких размазанных градинок, кеглями раз-
носящих скорбные толпы носителей чёрных очков.

о, правда, мы будем навеки с тобой? — допраши-
вается неба инвалид, и в ответ поливальная маши-
на лижет ботинки ему, синяя жилка внутри сити-
лайта стучится, вслушиваясь в разговоры о смерти.

это просто сентябрь кружится над нами и свистит
в наши кости, как во флейту ацтекских солдат;
гроза забирает поводок, уводит собаку у незрячего,
и его зрочки закатываются, как заря.

единорог

кто ещё помнит, что во времена оны хвост у единорога был не лошадиный — тонкий и беспокойный, искры из трав высекал и в фантазиях нетронутых осенью мальчиков-фей прорывал такие порталы,

что холмы разрывали себе грудь руками морщинистых вязов и расплавленной свечкой утра девственность наполняла ревущие болью полости, банкноты совиным пухом осыпались и по впадинкам тазовой

кости яростный пепел сгоревших термитников мелё; загонщики в отравляющих завесах кустов удавились на своей золотой уздечке, но и мёртвого мяса лес волшебный не приемлет — живите, живите и бойтесь;

вот и всё, вереск и горицвет примяты, пот сбрасывается со звёзд и прикрыты вырванные глазные яблочки росы, вы видите — он здесь, о, как остра любовь его — благослови господь ваши маленькие фашистские сердца!

привидение

это просто тюль колыхнулся — ну да, только тюль куском мыла скользил за тобой и в тире, и в певчем подземном переходе, и в бездонном влагалище октябрья колёсики ночи, улыбку-невидимку наклеив, вращал;

связан рот ущербной сладостью предпрощальных ягод, тяжёл руке серп и далеки мумифицированные листья мабона, искра выпрастывается из сухой палки и по раскопам пубертатной фантазии несётся на зов;

три луны опочивают на сверкающей пустоте косых мышц и в усиллии посмертной страсти джинсы на дыбы встают; «мои малютки» — окликает оно — «вот иней, а вот пожар лесной — загоним же на бурелом человека!»;

нет, это не тюль и не запыханного воздуха астма — этой осенью смерть стала тоньше и, как гнилушка, присвечена; птичьи скелетики пятый угол находят и ужас прижался к уродливым детишкам клёнов.

ворона

ворона гипнотизирует два жёлудя, четыре каштана:
восстаньте, хрупкие твари, и во клюв мой ложитесь,
пусть не вырастет из вас ни идол гетеро-парочек, ни
скелет немощный, несущий девчоночий портфель;

через скрип грозовых облаков, мимо чаек-стритрей-
серок, даже сквозь ливни-сизо, где зонты перегрызли
вены и горгульи кредитных киа нахохлились от холода,
пронесу, прикопаю — вдали от строек и беличьих поисков;

скольких висельников раскачаете вы и как будет
солнце гальванизированное с железным шипом в
языке целоваться с корой, занозы любовно собирая
под ноготь, торопитесь, придурки, в свой лучший мир!

молчат два жёлудя, четыре каштана, только ветка слушает
взрывы кассетных бомб последней гражданской войны;
ворона всегда ведь садится на ветки, которые бурей утробит
назавтра — и живое ей приторно, и мёртвое слишком скучно.

криптид

полнолунный разиня — первый час после полуночи
аметист наточил и над озером режет себя — какая
красота, и виновника торжества ты знаешь, вот он,
нычется боязливо в самурайской кромке прилива;

на свадьбу несси именитые чудовища съехались
и человек-мотылёк выливает коньяк в причмоки-
вающий ил, и свидетель из флэтвуда достал зе-
лёную звезду и перекрещивает хихикающий лес;

если вышибет створку витражного окна калех и
даже у йети шерсть станет стогами иголок — руки
в перчатках лёгкого фосфора сделают кесарево
воде — и нессина невеста к столу зазмеится;

вы, люди, и не поверите, но уже ёжатся слабые
птицы, в туфлю яд наливают и чайник хрипит над
газом, и гостями на похоронах незжатого злака
мы стоим и обглоданные сердца качаем в руках.

медуза

где свет отшелушивается от ранки осклизлого горизонта и соскí остекленелых слёз дразнят лефортовский мост, медуза строительный песок ест и в небо хочет, хочет туда, где кран башенный выкуривает заморозки;

где вкручен шуруп в глаз без ресниц и отжатых баннеров полотнища галки несут к бутырской тюрьме, она жалом выводит: покажи, покажи, покажи мне любовь, почему, почему, почему, почему, почему, почему я с тобой?

и ни свет не хочет её, ни крамола сим-карт бесплатных, ни опер её не запишет, ни поэт не опишет — и только ледок снящегося преступления хрустит, и в хрусте — марш двух миллионов сапог убитых прохуdivшимися нояблями;

холод переименовывают и над бульоном из варёных в вине книготорговцев греют руки не-офицерка и не-офицер, складывают в сундук и студень слезливый медузы, и ниточку слюны волшебной изо рта у большой луны.

адель

пожалуйста, оставь её здесь, клоунессу, хозяйку всех среднерусских яндере — они знают, кто враг этих мест, и в руках у них умильные ножи — золото дураков в жирном мясе вечера ковырять;

письмо со скрипом в руках рассыпалось, где были пылинки, там стали оспины — к поцелую приставлен задымлённый орион в поясе верности, к кафелю примороженный предлунной уриной;

вы ведь мёртвые — это-то самое прекрасное: зомби пьют всё, что горит, но не то, что тушит, и заварка густой измены убегает по льду долой от чаёвничающего камерамэна с вилкой в горле;

на кого ты оставлена и приставлена любить кого, и горячая, и ловкая в метаньи камней, и сверхновая? за тебя тост влажной девичьей злобы, ведь всё худшее уже случилось, впереди убийства и счастья.

пьеро

все, кто при свечах порох разносили и пронзали шпагами жечь, тоньше скелета стали, кесонной болезни темнее, и пьеро в буревестничьем пуху остывает во дворе чёрной падали;

юный мороз болит на его веках, раздевается тень и в её колготках душа уходит в покойную рабицу, скоро луна выпадет и костяные лыжи до двенадцатого боя будут скрипеть;

принесите шампанского герою былого торфа, свет совсем ослаб — значит, будем резать их мраком! не беда — уже пластун-арлекин ждёт напиться из колотых розочек-ран,

а напившись, с блуждающим огоньком вина в зубах уйдёт вызреть под землю — оттуда, где всегда цензурой изъеден камень над гробом, умирает пьеро и снежинки наивные жгутся.

звездочёт

снежит, и из рыбьего пузыря следаковской мигалки я становлюсь шёпотом, костром: мне мало, чтобы декабрь тебя коснулся, мне надо, чтоб он встал в тебя — со всем цветным картоном своим, парафином;

в такие дни разумно помянуть звездочёта, что в открытой влечению ветров, прокусывающих губы, обсерватории таблетки мрака из-под языка у луны насилу вытаскивал и втайне размешивал в кока-коле;

и от откровений тяжело ступающих райтерсхунде нового года он коченел и умирал над раззолоченными анекдотами фантомных художников, но мелко крепиться не смел и жал стакан крепко волевою рукой;

будем, озябшие дети забытого факела, как звездочёт: революция ведь — это только умение видеть созвездия, так проснёмся же ночью кровавых чудес от того, как чихнёт астроном, в едкий порошок звёзды в руках растирая.

ЧАСОВЩИК

стража приставлена к лавке, где святотатство точится на станках, и часовщик, сунувшись в форточку, режется о скрипичные ключики снега: жалким месяцем минусового невроза бриться ему или колёсиком,

насмешливым рабом ангренажа? куколки и кукушки вывесили флаги на декоративных балкончиках и уже колья мастерят под его голову — но не сладко ль хозяйину труп оставить на съедение тем, кого он кормил?

что-то в зеркале дышит, снежком горячки намыливая лоб, и в шкафу похороненный адвокат шевелится — время, други, дымом сожжённого дома родного напиток-ся вместо джула и зазывных флейт зарядных ашек;

но нельзя ждать, вечер табака и масла горек, на пороге часовщика разбирают на гири с винтиками в потеху тряпичнику, артисту и пьянице, и был ядовитый туман, и война между двух стадионов, и снег шёл четыре года.

дроссельмейер

всё самое невероятное происходит прямо сейчас — мыши надвигают белые колпаки, а во взорванных фонтанах закипает шампанское — братец, сон ли это послевакционный или колют шишцами луну и в ночнушке ходит кошпелиус?

крёстный держит кукол поближе к скрещённым оргазмам огня, мундиры латает им и кормит конфетами с ёлки, в глазах адвент-календариков чашечки поющей крови — так было, так есть и так будет всегда! мандарины в полуобморо-

ке целуются с фольгой; бывали улицы грёз в серёжках рекламы и был старый год — дроссельмейер, твоё сердце было легендой, ах, как целовал ты парчу сычуаньскую рукавов светлейшего из ангелов там, где кончается море!

сани едут по людям, прячущим крысиные носы, полоумная девочка в мокрых трусах корону вертит на пальце, рождество или смерть! и зубами зажав новогодне-патронную ленту, дроссельмейер игрушки складывает и шагает в бой.